

Александр Бушков начинал как автор детективов. Однако в последнее время увлекся тайнами истории. Во время одной из пресс-конференций, организованных издательством ОЛМА-Пресс, корреспондент «КО» побеседовал с писателем.

— Какова была, Александр Александрович, ваша жизнь до периода известности?

— Я жил, как положено всякому писателю: с 17 лет работал почтальоном, потом грузчиком. Потом корреспондентом газеты Красноярского обкома партии, завлитчастью драмтеатра. И опять журналистом, опять грузчиком, а последние 13 лет — на вольных хлебах. Сегодня я работаю по четырем направлениям: детективы, фантастика, исторические романы и непонятные какие-то вещи, я и сам пока не знаю, что это такое.

— Вы очень быстро пишете.

— Очередной роман недельки за две-три... Нет, сначала он несколько дней у меня в голове рождается. Потом месяц, другой, третий «бродит». И наконец

Александр БУШКОВ: Кн. обозрение - 1999 - № 11, с. 18

«СЕМЬ РОМАНОВ В ГОЛОВЕ»

наступают те две-три недели чисто автоматического переложения на бумагу. Когда роман закончен, я чувствую опустошенность...

— Серьезно ли вы относитесь к жанру детектива?

— Если книга хорошая, она всегда серьезна. А если она скучная, то это уже не жанр, это диагноз.

— Вы работали сначала как писатель-фантаст, а потом уж перешли к детективам, принеся нам больше известности. Как произошла смена жанра?

— У меня было несколько фантастических детективов, с легоньким таким фантастическим антуражем. Переход произошел легко: темнота, руки сжимают пистолеты...

— Обратно возвращаться не собираетесь?

— В «свароговской» серии будет еще семь романов, они уже в голове. Но не хватает времени. Я стал делать, как Станислав Лем: закончил несколько рассказов, которые вполне могли бы развернуться вширь и вглубь. Теперь выйдет подборка «Ненаписанные романы».

— После «России, которой не было» хотите ли вы дальше продвигаться по исторической стезе?

— Я не просто хочу, я собираюсь. Есть в планах книга под условным названием «Последний прыжок тигра» — об ударе, который Сталин в 1954 году планировал нанести по Ближнему Востоку, по нефтеносному району.

— Планы у вас чреватые

неожиданностями. И новым потоком критики в ваш адрес. Кстати, как вы реагировали на отзывы о «России...»?

— Я не оспариваю ничьих заявлений: как можно препятствовать людям высказывать свое мнение? И раз ругают, значит, не забывают. Значит, достоин. Вот если бы молчали кругом, я бы сказал, что зря трудился. Да, книга вызвала гнев. И получилась форменный анекдот: самые лучшие, теплые и благожелательные отзывы появлялись в израильской прессе. А самые даже не то что уничтожительные, а подлые — у вас в Москве.

— А сами вы тщательны и точны в работе с источниками?

— «Россия...» основана (это самое смешное) не столько на редких документах, сколько на публиковавшихся книгах. Если зарыться в источники, боюсь, книга станет в три раза толще. И еще доказательнее.

— Как вы относитесь к слухам о том, что никакого Бушкова-писателя не существует: есть некий отставной майор КГБ, а Бушков — это обработчик его воспоминаний, и только?

— Так этот слух я сам запускал в 1981 году, и надо же — он продержался столько лет! Только было немножко по-другому: майор-гэбист в отставке, его племянница и ейный хахаль. А потом это как-то усеклось до одного майора. Зачем надо было? А жить веселее! Молодой был... Однажды еще запустил историю встречи тоже майора, но захолустно-гарнизонного, с

инопланетянином. Из Прибалтики тогда рассылали длинные анкеты по контактам с ино: цвет глаз, форма ушей, размеры половых органов... Я все это старательно заполнил и отослал от имени. Так эта штука попала в серьезные сборники и до сих пор там кочует как еще одно доказательство: вот инопланетяне посетили энский район, вот майор, который их видел...

— Большинство ваших критиков раздражено и оскорблено именно вашим отношением к интеллигенции.

— А это мое отношение — по формуле товарища Ленина: «Не мозг нации, а...». Он сделал только одну ошибку: себя не вписал.

— Слова и поступки Ульянова-Ленина — на его совести. А чем вам лично так насолили интеллигенты?

— Как говорит мой хороший знакомый в Красноярске, профессор: «Я не интеллигент. У меня профессия есть». Интеллигента я бы определил по трем видовым признакам: 1) Он оценивает не реальный мир, а мир, существующий в его воображении, прикладывая к реальному миру оценки и мнения, которые существуют только в мозгу прикладывающего. 2) Он одержим патологическим стремлением заниматься глобальным спасением — спасти Россию, спасти Землю, спасти легкую промышленность. Но только не закончить хороший бухгалтерский отчет. Только не продать реальную партию товара — Боже

упаси! Это грубо, это низко. И, наконец, 3) Интеллигент одержим каким-то параноическим тоталитарным сознанием. Что блестяще доказано было во Франции конца XVIII века, когда они всецело и увлеченно резали друг друга — до прихода Наполеона. Потом в России, в 70-е годы прошлого столетия, охотились за Александром II — пока не убили. По поводу этой прослойки нет единого мнения, нет формулы. А раз нет — значит, нет и понятия, есть надуманный ярлык.

— Слава в столице — это большие тиражи, а слава дома — какова она? Чувствуете ли вы любовь, как говорили раньше, народную, признание творческих заслуг?

— Как сказали мне в одной любимой газете: «Некролог напечатать. Приносите, поставим на первую полосу, в рамочке с узорчиком и цветочками». А что я еще чувствую... Друзья меня поддерживают и одобряют. Сейчас это люди самых разных профессий, а смолоду были все больше водопроводчики, слесари, шоферы — все в силу круга общения. И пока что моя «слава» не затронула женщин. Женщины меня любят меньше, чем мне бы этого хотелось.

— Последний вопрос: часто ли люди, читавшие ваши книги, говорят после знакомства с вами, что представляли вас совершенно другим?

— Часто. И это грустно.

Беседовала
Мария ПУШЕВА